

—

III.

Раннее весеннее утро, берег реки и лесная чаща — воздух здесь был пропитан легкой, едва уловимой дымкой тумана. В такой атмосфере чувства людей тоже казались призрачными и запутанными.

Се Сюань моргнул своими влажными глазами. Он приподнял широкий рукав одеяния, обнажив кончики пальцев, нежных и белых, словно ростки лука-порея. Совершенно беспечно и без малейшего страха пораниться, он коснулся ими холодного и острого лезвия меча, прижатого к его горлу.

Гу Сьюань вскинул густые брови. Глядя на эти изящные пальцы, танцующие на грани опасности, он ощутил странное чувство, будто нечто, принадлежащее ему, подвергается пренебрежению или даже посягательству.

Сквозь тонкую пелену тумана его и без того суровое лицо казалось еще холоднее, приобретая при этом какую-то необъяснимую, глубокую притягательность.

Се Сюань отчетливо почувствовал, что стоящий перед ним человек недоволен. Решив, что генералу не по нраву чужая слезка, он ощутил укол беспокойства и пробормотал в оправдание:

— Я не нарочно подсматривал.

Взгляд Гу Сьюаня оставался неподвижным, а лицо — всё так же мрачно-холодным. Се Сюань почувствовал неловкость. Несмотря на то, что он был принцем и стоял выше по статусу, этот ледяной вид заставлял его сердце невольно трепетать от смущения.

От этого волнения движения его рук стали еще более нескладными. То, что начиналось как шутовское поглаживание меча, обернулось тем, что нежная подушечка пальца соскользнула, едва не полоснув по острейшей кромке.

Взгляд Гу Сьюаню мгновенно похолодел. Он выбросил вперед левую руку, перехватывая непослушные белые пальцы принца. От этого резкого движения зрачки Се Сюаня расширились, а кончики пальцев дрогнули. В следующее мгновение вся его ладонь оказалась в широкой и теплой ладони генерала. Принц отчетливо ощутил твердые мозоли на коже — след многолетних упражнений с мечом.

Одной рукой Гу Сьюань убрал меч обратно в ножны, а другой — непроизвольно сжал пальцы крепче, впитывая тепло чужой кожи, столь тонкой и мягкой, что это вызывало невольный трепет. Она оказалась именно такой, как он себе и представлял — прекрасной.

Дыхание Се Сюаня сбилось, сердце колотилось так сильно, будто готово было выпрыгнуть из горла. Мысли окончательно спутались: он не понимал, чего хочет этот человек, но в его собственных пальцах не осталось ни капли сил, чтобы вырваться из этого плена.

В этот момент Гу Сьюань медленно разжал руку и холодно произнес:

— Не прикасайся к лезвию меча так беспечно.

Се Сюань потер подушечки пальцев, стараясь игнорировать легкое чувство пустоты в душе, и тихо отозвался:

— А...

Ему потребовалось много времени, чтобы смутно осознать, что этот человек только что отчитал его, запрещая трогать свое оружие.

Принц резко вскинул голову: «...»

«Ах ты, Гу Сьюань! Подумаешь, коснулся твоего меча, он что, от этого испачкается? Настолько я тебе противен? А я-то, дурак, размечтался... Тьфу, какие еще мечты. Просто показалось».

Се Сюань надул щеки и бросил на генерала свирепый взгляд.

Гу Сьюань, наблюдая за тем, как меняется выражение лица принца, прищурился. Он протянул руку и слегка ущипнул его за надутую щеку:

— Что за манеры? Стоит заговорить по делу, как ты сразу злишься?

Се Сюань разозлился еще больше. Глядя на него свысока, он высокомерно выпалил:

— Какая дерзость! Ты посмел коснуться лица принца, да еще и вину на меня перекладываешь!

Гу Сьюань остался невозмутим. Он спокойно кивнул:

— Что ж, иди и пожалуйся императору.

— ... — Се Сюань.

Как он мог такое рассказать отцу? К тому же, еще неизвестно, чью сторону примет император в глубине души.

Принц недовольно засопел и проворчал:

— Что ты за человек такой? Совсем не знаешь, как нужно уступать Его Высочеству. Вымахал такой здоровый, а сам мелочный донельзя.

Гу Сьюань издал негромкий смешок. Кто бы говорил о мелочности и капризах?

Он скрестил руки на груди, лениво прислонился к дереву и сухо спросил:

— Зачем шестой принц искал меня?

— Кто тебя искал? Лагерь такой маленький, разве не естественно просто проходить мимо? — Се Сюань изящно взмахнул рукавом, потирая шею и возвращая себе облик благородного отпрыска императорской крови. — А вот вам, генерал Гу, в следующий раз стоит быть осторожнее со своим мечом. Если бы мимо проходил отец или мои старшие братья, вам бы не поздоровилось.

Гу Сьюань положил руку на рукоять меча и, глядя на принца искоса, ледяным тоном произнес:

— Что ж, благодарю шестого принца за великодушие.

— И это всё? — Се Сюань победно вскинул свои влажные глаза. — Вы ведь только что совершили преступление, посягнув на достоинство члена императорской семьи!

«Опять хочется ущипнуть его за щеку...»

Поглаживая грубую резьбу на рукояти, Гу Сьюань кивнул:

— Весь во внимании.

Се Сюань кашлянул и заговорил тоном знатока:

— Я не стану тебя затруднять. Тебе нужно лишь честно ответить на один мой вопрос.

Гу Сьюань прищурился. «И он еще говорит, что проходил мимо? Явно ведь пришел с конкретной целью в эту глушь подальше от лагеря».

Се Сюань, уязвленный его взглядом, вспылил:

— Так ты не согласен?

Лицо Гу Сьюаня осталось бесстрастным:

— Слушаю тебя.

Се Сюань немного успокоился. Он медленно перевел взгляд на генерала и негромко спросил:

— Те наемники, которых ты поймал... они и правда ничего не сказали?

К концу фразы его голос стал почти невесомым, словно он сам не знал, какой ответ хочет услышать.

Гу Сьюань приподнял веки и властно поманил его рукой:

— Подойди.

Се Сюань, хлопнув ресницами, послушно сделал два шага ближе:

— Ну, говори.

Гу Сьюань резко опустил руку и обхватил пальцами его маленький подбородок, заставляя задрать голову так, чтобы их глаза встретились. Его голос зазвучал низко и серьезно:

— Неважно, что сказали наемники. Вашему Высочеству в любом случае следует притвориться, будто вы ничего не знаете.

Се Сюань побледнел:

— Что... что ты имеешь в виду?

Гу Сьюань холодно хмыкнул:

— Вы и сами прекрасно понимаете. Не питайте лишних надежд в отношении Его Величества. Притворитесь неосведомленным — так вы сможете сохранить спокойствие хотя бы на время. Используйте этот шанс, чтобы накопить силы. Возможно, в будущем вам удастся вырваться из этой ловушки.

Зрачки Се Сюаня сузились. Он схватил генерала за руку, державшую его подбородок, и в упор посмотрел на него:

— Ты понимаешь, что говоришь?!

Гу Сьюань напоследок еще раз ошутимо сжал мягкую щеку принца и убрал руку. Его лицо вновь стало безразличным:

— Ваш покорный слуга ничего не говорил. Уже поздно, сегодня Его Величество возвращается во дворец, и мне нужно заняться приготовлениями. На этом я откланяюсь.

С этими словами он оставил принца, показав лишь свою высокую и холодную спину.

Взошло солнце, и туманная дымка в лесу окончательно рассеялась. В прекрасных глазах Се Сюаня заплясали тени, отливая глубокой синевой. Спустя долгое время он осторожно коснулся покрасневшего подбородка и щеки, словно всё еще чувствуя тепло сухой ладони и жесткость мозолей.

Эта рука была совсем не похожа на те, что принадлежали изнеженным принцам и аристократам. Твердая, уверенная, полная мощи — казалось, она способна удержать на себе весь небосвод. И там, на алтаре, именно эти руки защитили его.

Тем не менее, Се Сюань не удержался и надул губы: «Хотел предупредить — так предупредил бы нормально. К чему было нарочно распускать руки и пользоваться случаем? Выглядит таким серьезным, а на самом деле — тот еще притворщик».

...

В этот день, едва настал час У (07:00-09:00), огромная императорская процессия свернула лагерь и отправилась обратно во дворец. Слухи о падении алтаря и наемниках неизбежно просочились наружу. На протяжении всего пути простые люди перешептывались и указывали пальцами.

Гу Сьюань ехал на коне впереди колонны с мечом на поясе. Про себя он отметил: «Испортить торжественный обряд только ради того, чтобы помочь любимому сыну ударить по другому сыну — император Цзяньчао действительно проявляет недюжинную фантазию».

Уезд Цин находился всего в восьмидесяти ли от столицы, так что к вечеру того же дня кортеж уже был у ворот дворца. То ли из-за того, что цель не была достигнута, то ли по иным причинам, лицо императора Цзяньчао, когда он выходил из паланкина, выглядело далеко не радостным.

В уезде Цин оставалось лишь разобраться с наемниками.

Проблемы, связанные с возвращением в столицу, только начинались.

Шутка ли — под самым алтарем прятались наемники. Во-первых, под удар неминуемо попадало Министерство строительства, отвечавшее за возведение объекта. Во-вторых, чиновников из Министерства обрядов и Императорской обсерватории, курировавших ход работ, тоже ждала суровая кара. Кроме того, налицо была халатность командования столичного гарнизона, которое должно было за несколько дней до церемонии оцепить и проверить территорию.

Все эти люди, закрывшие глаза на присутствие убийц, какими бы мотивами ни

руководствовались, фактически действовали в интересах четвертого принца Се Хуаня. Если бы император Цзяньчжао решился на суровые репрессии, он бы собственноручно обрубил Се Хуаню крылья. А ведь у того и так не было поддержки со стороны материнского клана, и большая часть его влияния была тайно передана ему самим императором.

Однако не наказывать было нельзя. Если оставить безнаказанным покушение на императора, то не только придворные и Се Сюань преисполнятся подозрений, но и в будущем найдутся желающие последовать дурному примеру и вступить в сговор против трона. В конце концов, император Цзяньчжао и собственной жизнью дорожил.

Помимо этих раздумий, возникла и другая напасть: стоило наложнице Лу прозвать о случившемся в уезде Цин, как она тут же с плачем и причитаниями бросилась к дверям Дворца Высшего Предела (Хуанцзидянь). Император был раздражен до крайности и впервые пожалел, что выбрал себе такой «живой щит».

Гу Сьюань, будучи генералом Императорской гвардии, по статусу уступал лишь главному командующему и его заместителям. Когда император находился во дворце, зоной ответственности Гу Сьюаня был участок от Зала Верховной Гармонии до дворца Цяньцин и Дворца Высшего Предела. По сути, он всегда находился там же, где и император.

Сейчас, верный своему характеру, он с холодным лицом преградил путь наложнице Лу:

— Его Величество занят государственными делами во Дворце Высшего Предела. Лицам из внутреннего дворца вход без дозволения воспрещен.

Коллеги, евнухи и служанки посмотрели на него с нескрываемым восхищением. Всем было известно, как император обожает наложницу Лу — он ни разу не отказывал ей в аудиенции. Но этот Гу Сьюань был словно кусок векового неотесанного дерева: раз за разом он разворачивал фаворитку, совершенно не боясь навлечь на себя её гнев.

Наложнице Лу было уже сорок, но выглядела она превосходно. Обладая прямым и живым характером, она всегда была полна энергии, а её наряды отличались пышностью и яркостью, так что на вид ей нельзя было дать больше тридцати. Несмотря на то, что Гу Сьюань её остановил, она не рассердилась. Подобная сцена разыгрывалась не впервые, и она прекрасно знала нрав этого генерала. Надеяться на поблажку с его стороны было бесполезно, поэтому она лишь зыркнула на стоявшего рядом маленького евнуха:

— Видишь, что я пришла, чего стоишь? Живо иди и доложи!

— Слушаюсь, — пискнул тот и скрылся за дверями.

Наложница Лу поправила свои ярко-красные ногти и снова посмотрела на Гу Сьюаня:

— Слышала, на церемонии именно генерал Гу спас Сюань-эра?

Гу Сьюань ответил сухо:

— Я отвечал за охрану обряда. Обеспечение безопасности Шестого принца — мой долг, слово «спас» здесь неуместно.

Лу улыбнулась:

— Как бы там ни было, я должна поблагодарить генерала.

Гу Сьюань промолчал. Видя это, наложница не стала тратить лишних слов и уже собралась было войти во дворец, но в следующий миг путь ей снова преградила рука генерала.

Она нахмурилась:

— Я уже послала слугу доложить. Его Величество наверняка вот-вот велит мне войти.

Гу Сьюань остался непоколебим, словно скала:

— Дождемся устного указа императора, тогда и поговорим.

Император Цзяньчжао, разумеется, слышал шум снаружи. Хотя он всегда был о Гу Сюне хорошего мнения, в этот раз он особенно остро осознал, как же хорош этот преданный слуга. Если бы все его подданные были такими же честными и беспрекословно верными, как Гу Сюнь, разве было бы у него столько поводов для головной боли?

Стоявший подле него Ван Чэньин напомнил:

— Ваше Величество? Наложница Лу просит аудиенции снаружи.

Император нахмурился и одарил его колючим взглядом.

«Сам слышу, нечего напоминать, совсем у тебя чутья нет», — читалось в его глазах. Помолчав еще немного, он наконец махнул рукой, подавая знак Ван Чэньину ввести гостью внутрь.

Наступил вечер, закатное солнце пылало, словно огонь. Гу Сьюань стоял на высоких ступенях Дворца Высшего Предела, слушая, как внутри плачет и скандалит наложница Лу. Прошло немало времени, прежде чем шум наконец утих. Раздался нежный звон подвесок, и наложница Лу с покрасневшими глазами вышла из дверей дворца в сопровождении слуг, несущих гору даров.

Проходя мимо Гу Сьюаня, она замедлила шаг, выхватила из кучи подношений несколько вещиц и бросила их к его ногам.

— Генерал Гу, хоть защита Сюань-эра и ваш долг, я не из скупых. Дарую вам эти безделушки.

Сказав это, она гордо удалилась, в полной мере демонстрируя величие фаворитки, чья власть в гареме была неоспорима.

Гу Сьюань мельком взглянул на валявшиеся на земле вещи, холодно хмыкнул и, сделав вид, что ничего не произошло, вернулся на свой пост. Вышедший вслед за наложницей Ван Чэньин лишь беспомощно улыбнулся. Служа при императоре, он прекрасно знал, что Гу Сьюань всегда презирал наложницу Лу и всё её семейство. Однако это были императорские дары, нельзя было оставлять их вот так валяться на земле.

Он велел подвластному ему маленькому евнуху подобрать вещи, передал их Гу Сьюаню и добродушно улыбнулся:

— Генерал Гу, госпожа благородная наложница щедра, вам не стоит упрячиться. Если Его Величество узнает, он тоже будет недоволен.

Гу Сьюань мельком взглянул на него и лишь тогда, крайне неохотно, принял подношения, небрежно засунув их в рукав.

Ван Чэньин с улыбкой вошел в зал. Император Цзяньчжао посмотрел на него и как бы невзначай спросил:

— Сьюань снова проявил непочтительность к наложнице?

Ван Чэньин услышал в словах императора строгое определение, но тон был легким. Он понял, что император на самом деле вполне доволен поведением Гу Сьюаня, и поспешил вкратце пересказать случившееся.

Император Цзяньчжао негромко выругался:

— Ну и собачий же нрав.

Ван Чэньин тоже усмехнулся:

— Генерал Гу таков и есть. Кому он, кроме вас, Ваше Величество, хоть раз оказывал почтение?

Император на мгновение замолчал, а затем произнес:

— Раз благородная наложница так заботится о Сюань-эре и награждает Сьюаня, я тоже должен его чем-нибудь пожаловать. Слышал, в сокровищницу недавно доставили неплохой драгоценный меч...

После часа Юй (17:00–19:00) Гу Сьюань сменился с дежурства, передав пост коллегам из императорской гвардии, и с новым пожалованным мечом покинул дворец, возвращаясь в поместье.

Бабушка Гу Сьюаня, госпожа Цао, была кормилицей императора Цзяньчжао, и узы их привязанности были весьма крепки. После восшествия на трон император пожаловал ей добротный дом неподалеку от стен Запретного города. Хотя госпожа Цао скончалась несколько лет назад, поместье осталось за семьей.

Отец Гу Сьюаня, Гу Гуанъяо, после того как принял стрелу за императора, повадился жаловаться на головные боли и слабость при каждом удобном случае. В ответ император устроил его на непыльную, но весьма прибыльную должность закупщика в Управлении делами императорского двора.

Когда Гу Сьюань пришел домой, в главном зале поместья Гу ярко горели огни. Царила оживленная атмосфера — семья ужинала. Но стоило ему войти, как воздух словно застыл, и лица всех присутствующих мгновенно изменились. Его сводный брат и сестра даже невольно вздрогнули — очевидно, они до смерти боялись прежнего владельца тела.

Гу Гуанъяо нахмурился и прикрикнул:

— Почему ты вернулся в такое время? Разве ты не должен сопровождать Его Величество на церемонии?

Гу Сьюань мазнул по нему взглядом и бросил:

— Вчера во время обряда появились наемники, поэтому императорский кортеж вернулся раньше срока.

Гу Гуанъяо пришел в ужас:

— На Его Величество было совершено покушение?!

Если и был в мире человек, искренне желавший императору Цзяньчжао долгих лет жизни, то это определенно был Гу Гуанъяо. Сейчас он целыми днями пил чай, вино и устраивал бои сверчков — вся эта роскошная жизнь была дарована ему императором. Кто знает, что будет, если сменится власть?

Он тут же в ярости закричал:

— Ты ведь отвечаешь за охрану Его Величества! Как ты мог быть таким бесполезным?! Как ты допустил покушение?!

Гу Сьюань окинул его ледяным взглядом:

— Кто сказал, что император ранен?

Сказав это, он перестал обращать на них внимание и направился напрямик в свой двор.

— Неблагодарный сын! — Гу Гуанъяо в гневе хлопнул по столу.

Вернувшись к себе, Гу Сьюань оставил двери комнаты настежь открытыми. Он положил новый меч и достал те вещицы, что дала ему наложница Лу. Спустя мгновение он заметил высыпавшийся серый порошок и принюхался — запах напоминал благовония. Слегка нахмурившись, он поджег их, после чего громко велел слугам подать ужин.

Гу Сьюань обладал в доме непререкаемым авторитетом, он был жестче даже своего отца. В мгновение ока ему принесли три блюда и суп вместе с большой миской риса. На столе оказались баранина с квашеной капустой, паровая жирная курица и баклажаны с чесноком, а также суп с мясными шариками, капустой и тофу.

Гу Гуанъяо был любителем пожить в свое удовольствие, поэтому повара в поместье Гу знали свое дело. Гу Сьюань с аппетитом принялся за еду. Когда с ужином было почти покончено, за окном послышался тихий шорох.

Белоснежный голубь, на перьях которого не было ни единого пятнышка, уверенно приземлился на оконную раму. Птица заглядывала внутрь, а её маленькие глазки, похожие набусинки, светились недюжинным умом.

Гу Сьюань приподнял бровь, сгреб ладонью остатки риса из миски и протянул руку к маленькому гостю, негромко свистнув. Голубь долго разглядывал его, прежде чем вспорхнуть и приземлиться на руку — видимо, птица наконец признала в человеке «своего».

У Гу Сьюаня был отличный глаз: он еще издали заметил привязанную к лапке записку и уже собирался её снять. Однако голубь, словно решив, что Се Сьюань его недокармливает, уткнулся клювом в рис и не желал отрываться. Когда же генерал попытался коснуться лапки, птица начала дергаться и даже замахиваться крыльями.

Но Гу Сьюань не был из тех, кто долго церемонится. Раз по-хорошему не вышло — будет плохо. Он ловко схватил голубя за спинку, перевернул его кверху брюшком прямо на столе и силой снял записку. Голубь замер, прижав крылья к животу. Его маленькие глазки выражали неописуемое потрясение — видимо, птица никогда не встречала столь грубого человека.

Прочитав содержимое записки, Гу Сьюань взглянул на «пострадавшего» и холодно

усмехнулся:

— Будешь и дальше притворяться мертвым — заброшу в курятник на племя.

«...» — Бедный голубь окончательно пал духом.

В следующее мгновение птица пулей рванула прочь. Нужно было быть как можно дальше от этого жестокого человека! Он летел назад, чтобы пожаловаться своему доброму и мягкому хозяину. Только теперь голубь понял, как хорош его владелец, и пообещал себе больше никогда не привередничать в еде.

В главном дворе поместья Шестого принца Се Сюань держал в руках книгу. Он уже долго смотрел в одну точку, так и не перевернув страницу. В этот момент послышалось знакомое хлопанье крыльев.

Се Сюань тут же обернулся. Даже не успев протянуть руку, он почувствовал, как голубь с небывалым рвением прижался к нему. Принц, улыбнувшись, по привычке хотел погладить его гладкие перья, и птица впервые не сопротивлялась, преданно заглядывая хозяину в глаза.

— ... — Се Сюань. «Тут явно что-то не так».

Обычно в этом доме голубь был главным, а он — лишь на втором месте. Что случилось сегодня?

Он подозрительно уставился на птицу:

— Ты в чем-то провинился? Что натворил?

Голубь не шевелился, продолжая смотреть на него с обожанием. Се Сюань занервничал:

— Только не говори мне, что ты не доставил письмо! Опять по пути заглянул на чью-то кухню?

Принц потянулся к лапке и обнаружил, что бамбуковый футляр пуст — письмо забрали. Тут всё внимание Се Сюаня переключилось на Гу Сыюаня, а в душе поднялась волна обиды.

— Хм, раз уж прочитал, почему не ответил? Тоже мне, важная птица, только и умеет, что строить из себя невесть что.

— Кого это шестой принц ругает? — внезапно раздался за окном знакомый холодный голос, в котором сквозила легкая усмешка.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281620>